

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ. ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

УДК 82-1

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА ЭЛЕГИИ В ПОЭЗИИ КОНЦА XX ВЕКА

С. Ю. Артёмова

Тверской государственный университет
кафедра истории и теории литературы

Статья посвящена проблеме жанра в современной лирике на материале элегии. Жанр рассматривается как определенный тип строить и завершать целое, а также как информация о способе понимания этого целого. Речь идет не о каноническом жанре, а о жанровой трансформации элегий второй половины XX – начала XXI веков. Большую роль в трансформации играет жанровое заглавие и иные жанровые маркеры.

Ключевые слова: лирика, элегия, трансформация жанра, жанровое чтение, канон, признаки и ядро жанра.

Элегия из тех жанров, которые достаточно хорошо изучены (среди исследователей И. Л. Альми, А. А. Боровская, В. Э. Вацуро, В. А. Грехнев, Г. А. Гуковский, С. И. Ермоленко, И. В. Козлов, С. Р. Охотникова, В. И. Тюпа, Л. Флейшман, Л. Г. Фризман и др.). Мы рассматриваем элегию не в связи с ее типологией или спецификой жанра в творчестве отдельных авторов, а с точки зрения трансформации жанра и путей этой трансформации. Поэтому, с одной стороны, мы опираемся на уже сделанные наблюдения, а с другой, пытаемся вписать видоизменения жанра в общую схему жанровых процессов XX века.

Изначально в русской жанровой традиции и до сегодняшнего дня элегия в сознании авторов и читателей связана с особым эмоциональным настроением (печаль), и, соответственно, имеется ряд образов, этот настрой провоцирующих: «ряд традиционных элегических локусов (кладбище, руины и т. п.)» [6, с. 135]. Тоска героя по уходящему времени воплощена во многих традиционных и продуктивных в последующие годы для элегий образах: слез, разлуки, смерти, – но они не становятся жанрообразующими.

Важно определить специфику жанрового ядра элегии, ее обязательные признаки. «В качестве жанровых доминант элегии можно назвать элегический хронотоп, основанный на совмещении временных планов (прошлого и настоящего), замкнутость, закрытость, медитативность, переходность элегического состояния, смешанную природу чувств лирического субъекта. Гармония противоречий, лежащая в основе эсте-

тической концепции жанра, реализуется в субъектной организации произведения: носителем речи является условное эгегическое “я”, которое характеризует отчужденность от лирического настоящего, и некоторая ироничность. Традиционализм жанровой формы элегии выражается в известной формульности (образы “забвенья” и “прекрасного света”, тумана и кладбища, “бледной луны” и “уходящего солнца”, вечера и заката) и устойчивости мотивного комплекса (мотивы одиночества, странничества, изгнания, бренности человеческого существования, воспоминания об ушедших годах), что обусловлено дистанцированностью субъекта от непосредственного переживания, определенной условностью и театрализованностью рефлексии» [1, с. 11].

Но при всем том образы эти не становятся обязательными жанро-образующими признаками, а лишь указывают на специфику лирического субъекта – странника, одинокого и бесприютного скитальца, тоскующего по прошлому и утраченному, осознающему не-идеальность жизни. В этом смысле элегия соотносится с идиллией: «Идиллию следует признать одним из “вторичных” истоков эгегического жанра, поскольку элегии Нового времени часто строятся на отталкивании от идиллического мировосприятия» [Там же, с. 36].

Уже в начале XX века элегия становится своего рода текстом-преодолением эгегической тоски. На место канона приходит «внутренняя мера жанра», которая и определяет облик элегии второй половины XX века. Произвольность формы элегии и её длины [8], отсутствие структурной регламентации порождает и содержательно-тематические вариации, например, темой элегий становится разнообразие и непредсказуемость эмоциональных состояний, специфическое отношение к прошлому (не обязательно печаль по утраченному) и даже поиск эгегической тоски как таковой (или ирония по поводу ее невозможности).

Интересна идея о «жанровых стереотипах» и их нарушении, которая восходит еще к концепции формалистов о развитии литературы как преодолении автоматизма: «Применительно к стихотворению В. Маяковского можно говорить о новой элегии, разрушающей жанровые стереотипы. Поэтическая дистанция, “отстранение” от жанровых канонов (и “остранение”) проявляются, прежде всего, в возведении противоречивости эгегического переживания, выраженного в понятии “светлая печаль”, в степень оксюморона: на стилистическом уровне неслучайно обращение к различным речевым регистрам (“...кто-то называет эти плевочки / жемчужиной?”). Автор ломает привычные представления о жанре, семантические, сюжетно-композиционные, интонационно-ритмические, его образ трансформируется в русле экспрессионистской поэтики» [1, с. 16]. Идея о разрушении стереотипов жанра в современной поэзии перекликается с концепцией Ю.Н. Тынянова о развитии жанра как «лома-

ной линии», но в то же время позволяет выделить в этой линии стратегии преобразования жанра с течением времени.

Темой элегии становится мысль о неминуемо уходящем времени, которое рано или поздно оборвется [5] – «философия времени, выражаемая в элегии этого периода, представляет собой тот максимум содержания, который можно выжать из ее материальной организации» [3, с. 22–23].

Ярче всего замена канона элегии внутренней мерой жанра видна в текстах шуточных и пародийных (о пародии как продолжении традиции писали русские формалисты О. М. Фрейденберг и Ю. Н. Тынянов). Ироническая элегия частотна в конце XX – начале XXI веков, как, впрочем, и другие жанры лирики, которые в этот период обыгрываются в ироническом ключе.

Ирония при работе с элегией видна в стихотворении О. Юрьева «Элегия с эпитафией» (1987) [7, с. 196]:

От вас я не хочу прощений и проклятий,
– Всего страшней, – сошедший с рубежа,
Скажу я к ужасу своих смиренных братий, –
Что воздух чуж, а не земля чужа.

Когда вернулся я с предутренней прогулки,
Уж разобрали ночь рабочие небес:
Сияли вытертые выемки и втулки,
И были стены тьмы запряжаны за лес.
<...>
А кто ко мне в окно, приплюснувшись, глядится
Блестящей тысячью своих губатых глаз?
Чьи это кожаные сморщенные лица
В летательных шарах, мерцающих, как газ,
Я не желаю знать.
Раз нанялся – к работе.
Названий и расценок ведать не хочу.
Когда настанет срок – мы вспомним о расчете,
Тогда и я – что должен – получу.

Здесь жизнь предстает через метафору труда: «рабочие небес» разбирают ночь, вытирают «выемки и втулки», а герой, «нанятый к работе», не желает оценивать данную ему жизнь, предпочитая расчет потом, «когда настанет срок». Такая нарочито механистическая картинка противоречит заглавию и самому канону элегии, на первый план выходит показательное смирение, но важно при этом, что стихотворение с таким содержанием называется автором именно «элегией». Канон элегии при этом не соблюден, вытесняется другими жанровыми принципами.

Элегия здесь уступает место «элегическому модусу» вообще, герой добровольно избирает печаль, потому что выбора у него нет. Либо

печаль и созерцание – либо небытие. В финале элегии лирический субъект утверждает мысль о случайности жизни вообще, но именно случайные подробности, выхваченные из общей круговерти бытия, помогают нащупать грань между мелочью жизни и «нездешним», между суетой и истиной. И тоскует герой вовсе не из-за бесконечности пути, а из-за невозможности достижения идеала. Тоска по идеалу, составляющая основу элегии, никуда не делась, но признаки, ей сопутствующие, видоизменяются: герой не может высказать тоску и заменяет эту мысль перечнем, «названиями» и «расценками», реестром бытия.

Элегия как «повод» трактуется и в стихотворении Ирины Машинской «Трамвайная элегия» [4]:

Пальто забрызгала, но приступом трамвай
взяла. Протискиваюсь в середину,
как требует невидимый водитель
(я чувствую, как близко микрофон
к губам она подносит). В середине
салона – так же тесно, но тепло
(а вот и поручень!) и сухо. Повисаю,
в тепле, довольстве свысока смотрю
на сумрак, дождь в окошко проливное.
<...>

У остановки странное название,
всегда прислушиваюсь: Стеклоагрегат.
Ни стекол, никакого агрегата:
пустырь, забор, какая-то листва
– да марсианский лом блестит на глине,
округе надоевший натюрморт.
Все это жизнь моя, не более. Все это
лишь повод провести нас на мякине,
пока мы тут въезжаем в поворот.

Пушкинские «липы, будки, бабы» в XX веке имеют большой успех и варьируются в реестровых стихах многих поэтов. У Ирины Машинской реестр довольно уныл («сумрак, дождь в окошке»). Но это – единственная жизнь лирической героини («жизнь моя, не более»), и тоска неразрывно связана с осознанием того, что другой не будет, что поворот трамвая и поворот судьбы суть одно и то же.

Элегия преодолевает себя с помощью элегических принципов: временное и вечное могут быть противопоставлены, а могут быть осознаны как части единого целого. Вероятно, поэтому появляются и элегии с политическим «привкусом», точнее, ирония в элегиях может создаваться с помощью политических подтекстов, как, например, в стихотворении современной поэтессы Анны Горенко «Элегия» [2]: «Разврат чудесных папирис / дымок мой знак ответ / твой знак вопрос / Малютка Ленин – у того

донос. <...> всё детство я гляжу на него / в зеркало / глаз не могу отвести. // Но где мое детство / но где этот дом / с зеркалом / где мы вдвоем / пряди огня за твоей головой / Где же мой шарф голубой?» Мотив сладости прошлого и его утраты («где этот дом», «где мое детство») дополняется другим мотивом, который сам по себе означает разрушение традиционного элегического канона, – мотивом преступления («донос», «гашиш», «разврат», «расстрелянный дом» и пр.). Тоска по прошлому оказывается выморочной, героиня стихотворения показывает не сладкое прошлое, а то, что лишь казалось сладким, и тосковать по этому прошлому уже невозможно.

Таким образом, современная элегия может быть вполне канонической, а может апеллировать лишь к памяти жанра, как в приведенных текстах. Внутренняя мера жанра предполагает, что несовершенство мира как содержательная характеристика «ядра» элегии становится поводом для бесчисленных отступлений и вариаций. В этом случае заявленный в заглавиях жанр элегии становится метажанром: либо переходит в иронию и самоиронию, либо отрицает саму возможность элегического мироощущения при наличии элегического дискурса.

Список литературы

1. Боровская А. А. Жанровые трансформации в русской поэзии первой трети XX века : автореф. дис. ... докт. филол. н. : 10.01.01 / А. А. Боровская ; Астраханский гос. ун-т. Астрахань, 2009. 46 с.
2. Горенко А. Праздник неспелого хлеба: Стихи девяностых годов. М. : Новое лит. обозрение, 2003. 112 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vavilon.ru/texts/gorenko1.html#1>. (Дата обращения: 20.10.2019.)
3. Марков А. В. Воображаемое и границы художественности в европейской литературе : дис. ... докт. филол. н. : 10.011.08 / А. В. Марков ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. М., 2014. 424 с.
4. Машинская И. Стихотворения. М. : Изд-е Е.Пахомовой, 2001. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/NEWPROZA/MASHINSKAYA/stihotworeniya.txt>. (Дата обращения: 20.10.2019.)
5. Москвичева Г. В. Жанрово-композиционные особенности русской элегии XVIII – первых десятилетий XIX века // Вопросы сюжета и композиции : Межвуз. сб. Горький, 1985. С. 33–50.
6. Тюпа В. И. Дискурс / Жанр. М. : Intrada, 2013. 211 с.
7. Юрьев О. Избранные стихи и хоры. М. : Новое лит. обозрение, 2004. 220 с.
8. Keith A. M. Roman Elegy and Ancient Rhetorical Theory // Mnemosyne. Fourth Series. Vol. 52. No. 1. Pp. 41–62.

Об авторе:

АРТЁМОВА Светлана Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: svart1@yandex.ru.

TRANSFORMATION OF THE ELEGY GENRE IN POETRY OF THE LATE TWENTIETH CENTURY

S. Yu. Artyomova

Tver State University

the Department of History and Theory of Literature

The article is devoted to the problem of genre in modern lyrical poetry analyzed on the material of the Elegy. Genre is considered to be a certain type of constructing and completing a whole, as well as something containing information about the way to understand the whole. We are not talking about the canonical genre, but about the genre transformation of elegies in the second half of the XX – early XXI centuries. A major role in the transformation is played by the genre title and other genre markers.

Keywords: *lyrics, Elegy, genre transformation, genre reading, Canon, attributes and core of the genre.*

About the author:

ARTYOMOVA Svetlana Yuryevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: svart1@yandex.ru.